

Часть первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Град зашелкал по киверу, по ментику, по вальтрапу¹, зазвенел на рукоятях пистолетов, торчащих из ольстр². Вороной жеребец недовольно фыркнул и попробовал подвинуться вбок, уйти с размытой дороги на обочину, над которой ветер раскачивал ветки распушившихся тополей. Валериан стиснул Проба шенкелями, заставил вернуться на середину.

— Господин подполковник! Может быть, остановимся, дадим людям передохнуть? Три часа уже поливает. А тут еще такая буря да с градом.

Командир первого эскадрона, штабс-ротмистр Павел Бутович подъехал справа. Мадатов только слегка повернул к нему голову.

— К полуночи нам приказано быть уже на том берегу. Пусть наденут плащи, но продолжают двигаться. Хотя бы и шагом... Чернявского ко мне!

Темной и бурной июльской ночью первый батальон Александрийского гусарского полка собирался форсировать Мухавец — небольшую речку в окрестностях белорусского городка Кобрина.

¹ Накидка на седло.

² Кавалерийская кобура.

Более месяца назад, 12 июня 1812 года, армия французского императора перешла Неман и двинулась на Москву. Размышляя над картой, Наполеон так объяснил свое решение маршалам, министрам и дипломатам:

— Петербург — голова России, Полтава — желудок, Москва — ее сердце. Мы поразим восточную империю в самое больное и уязвимое место.

Теперь сотни тысяч солдат, пеших и конных, собравшихся со всех концов Европы, подошвами и копытами перемалывали версты восточно-европейской равнины. Первая русская армия Барклай-де-Толли и вторая — Багратиона спешно отступали, пытаясь оторваться от противника и соединить свои силы. Корпус генерала Витгенштейна стал у Западной Двины, прикрывая направление на Петербург. Третья армия Торماسова охраняла дороги на Украину, к хлебу.

Александрийские гусары еще весной прошли маршем от Дуная до Буга и поступили под тяжелую руку генерала от кавалерии Александра Петровича Торماسова. Еще недавно он командовал русскими войсками на Тереке и в Закавказье, но год назад император Александр вызвал его в Россию и поручил формировать новую армию. Теперь он с небольшими силами — чуть более сорока тысяч — должен был действовать против фланга Великой армии великого полководца. Бонапарт повернул на юг корпуса генералов Ренье и Шварценберга, уверенный, что те остановят Тормасова и отбросят его в болота Полесья.

О том, что происходило на огромном пространстве между Вильной, Смоленском, Двиной и Волынью, Валериан мог только догадываться. Пока же его гусары

вместе со всем полком, с кавалерийской дивизией графа Карла Осиповича Ламберта прошли ускоренным маршем к Бресту, который уже занял генерал Щербатов. Он без большого труда преодолел сопротивление небольшого отряда французской конницы, отступившего под давлением русских. Армия продолжала двигаться на северо-восток, и теперь на ее пути стоял городок Кобрин, где расположилась усиленная дивизия саксонского генерала Кленгеля.

Днем пятнадцатого июля Мадатова вызвал командир александрйцев Ланской.

— Возьмешь свой батальон. К нему дают тебе сотню казаков, два эскадрона драгун и роту артиллерии конной. Задача — к полуночи перейти эту речушку и сесть на дорогу северней городка. Только ждать. Но когда они покатаются на тебя, встретить и держаться зубами...

Дождь моросил с утра, земля раскисла, и отряд шел только шагом, примеряясь к четырем орудиям, тянувшимся в середине колонны. Валериан отправил казацьи разъезды веером, и к вечеру те разведали лесную дорогу, что выводила к броду, чуть выше разрушенного моста. Мадатов приказал есаулу отправиться туда налегке как можно скорее, переправиться и охранять брод. Остальные продолжали все так же ползти, ползти, не решаясь оставить артиллеристов на милость погоды и неприятеля.

С темнотою дождь усилился, да еще задул ветер, раскачивая кроны, срывая листья с веток и кивера с всадников. Мадатов упрямо ехал вперед, чуть наклонив голову навстречу налетающей буре. А ветер завывал все ужаснее, и казалось, будто бы впереди великан в чужой

форме раздувает мясистые щеки, выпуская раз за разом шквалы холодного вихря. Ко всему еще с невидимого уже неба сыпанул крупный град, изрядно перепугав лошадей и обеспокоив наездников. Валериан и сам было подумал дать людям укрыться, передохнуть, но тут совсем некстати подвернулся Бутович. Решения командир должен принимать сам — этому Мадатова учили и Бутков, и Ланской. Потому он приказал продолжать марш и только вызвал к себе командира охотников.

Чернявский возник из черноты, не подъехав, не подскочив, а просто оказавшись неожиданно рядом. Только что его не было, и вот уже едет рядом с Мадатовым, колено к колену, чуть повернув голову к подполковнику. Смуглое хищное лицо кажется просто пятном, повисшим между кивером и доломаном. Валериан еще пару часов назад приказал всем надеть ментики в рукава, но Фома все так же вез куртку на левом плече, не замечая сырости, ветра и града.

— Возьмешь свой взвод, — сказал Мадатов, чуть повышая голос, чтобы перекричать ветер. — Поедешь по дороге, вперед, быстро, как только сможешь. По пути будешь мне посылать донесения — свободно, свободно, свободно. Казаки, думаю, уже на той стороне. Но ты через реку не лезь. Посмотри — что с мостом, можно ли подлатать, чтобы протащить пушки. Все...

Чернявский исчез так же в одно мгновение, как и появился полторы минуты назад. Еще минута прошла, и цепочка всадников порысила справа, обгоняя основную колонну. Валериан усмехнулся, подумав, что теперь и подполковник Мадатов может расслабиться, покачаться в седле, чуть смежив глаза. Вороной жеребец

Проб и поручик Чернявский точно выведут его к нужному месту.

Трижды к нему подъезжали унтеры, посланные Чернявским сообщить, что дорога перед отрядом пуста, неприятеля нет ни впереди, ни по флангам. Валериан и сам бы заранее предсказал, что в такую ночь саксонская кавалерия вряд ли решится на дальнюю разведку. Если Кленгель и выставит аванпосты, то лишь на шоссе¹, ведущем к Бресту. Но он хотел предусмотреть все возможные неприятности, оставив резерв сил и времени для самого невероятного. Валериан был неспокоен. Он знал, как дерутся персы и турки, но через несколько часов должен столкнуться с регулярной европейской кавалерией. Как они держат строй, как быстро слушаются сигналов, хороши ли лошади, стойки ли люди — все это оставалось для него пока что загадкой.

Мост, нелепое, горбатое сооружение, опиравшееся на козлы, связанные из бревен, разрушен был не саксонцами, а временем да российским *авосем*. Фома провел Мадатова и командира артиллеристов до середины, показав гнилой настил, зиявший огромными дырами.

— Леса много вокруг, можно бы накатать,— проронил задумчиво батарейный.

Ему, очевидно, не хотелось загонять своих людей и пушки в холодную воду.

Фома помотал головой.

— Нашумим. До города, может, не долетит, но слышится кто поблизости — и услышит.

— Да время еще потеряем,— добавил Мадатов.

¹ В девятнадцатом веке — укатанная дорога, убитая щепнем.

— Тогда хотя бы заряды надо перетащить. Глупо будет, если порох вдруг вымокнет.

— А драгуны у нас на что? — усмехнулся Валериан.— Сейчас я тебе их пришлю, они на руках все перетащат.

Вернувшись на берег, он подъехал к Голубовскому, высокому, плечистому капитану драгун.

— Как-нибудь проберутся между дыр, капитан. Глядишь, и сами будут посуше. А лошадей коноводы переведут. Течет здесь слабо, и только у того берега лошади брюхо замочат. Казаки наши уже на той стороне.

Какое дно, какое течение, где расставил есаул свою сотню, он уже знал от Чернявского.

Спешившиеся драгуны по очереди подбегали к зарядным ящикам, брали в охапку картузы¹ и так же бегом устремлялись на мост. Мадатов подозвал всех четырех эскадронных Александрийского, показал им реку и тщательно объяснил каждому, что, как и когда ему надлежит сделать вместе со своим людьми. Сам первым из гусар погнал своего коня в воду, только вынул сапоги из стремян и забросил носки на круп Проба, чтобы невзначай не плеснула вода в голенища.

Через пару часов они добрались к дороге, ведущей на север, к местечку Пружаны. Орудия Валериан поставил по обе стороны проселка, предложив артиллеристу тщательно замаскировать их кустами и ветками. Драгун спешил; два взвода рассыпал в цепь, два оставил охранять пушки. Гусар отвел за взгорок, казаки ушли в разъезды. Ветер к этому времени стих, дождь

¹ Заранее отмеренные дозы пороха в полотняных мешочках.

прекратился, но костры зажечь не осмелились, и кое-как коротали ночь, греясь о лошадиные бока.

С рассветом ударили пушки. Мадатов выскочил верхом на пригорок и увидел, что на юге, по Брестской дороге, движется кавалерия. Дивизия графа Ламберта, где был и второй батальон александрийских гусар, атаковала заслоны Кленгеля, сбила их и устремилась к городу. Но из предместья по всадникам сыпанули картечью, эскадроны замешкались, остановились, повернули назад. Следом подходила еще колонна, но она, не разворачиваясь для атаки, так же в походном строю, повернула еще левее, пошла рысью, обходя Кобрин с юга.

— Батальон! — крикнул Мадатов вниз, а добавлять ничего не стал.

Эскадронные уже и сами приказывали мундштучить коней, подниматься в седла, строиться шеренгами и ждать решительного приказа.

Теперь стрельба доносилась с дальнего расстояния, с дороги на Антополь, которую, понял Валериан, и оседлала другая дивизия. Теперь Кленгелю оставалось только пробиваться на север. И действительно, спустя час в сторону отряда Мадатова направился отряд всадников в светло-синих мундирах.

Валериан спустился с холма, надеясь, что саксонцы еще не успели его заметить. Как он и договаривался с есаулом, казачья сотня собралась, двинулась, уставив пики на неприятеля, но потом остановилась, словно сообразив неравенство сил, и повернула. Саксонцы радостно закричали и припустили следом. Казаки уходили неспешно, будто бы притомились под ними кони, и расстояние между двумя отрядами сокращалось с каждым

скачком. Синие уже поднимали сабли, готовясь рубить отставших, как вдруг темно-зеленые гикнули и, разделившись надвое, брызнули в поле. А в образовавшийся просвет грохнули залпом четыре спрятанные орудия, и сразу же рассыпались трескотней ружья драгун.

Полетели на землю кони и всадники, саксонцы замешкались. Командир их поднял руку, и трубач сыграл короткий сигнал, очевидный приказ отойти и перестроиться для новой атаки, но только синие повернули, как Мадатов уже выпустил на них свои эскадроны.

Не больше трети атаковавших удалось уйти от черных гусар, да и тех еще долго преследовали казаки, безжалостно сбивая длинными пиками. Валериан не позволил своим преследовать чересчур долго, отвел их за пушки и снова выстроил фронтом.

— Хорошо размялись, ваше сиятельство! — Буттович широко улыбался, не замечая, что у самого рассечена щека, почти у глаза.

Мадатов держал саблю острием вниз, ожидая, пока стечет кровь. Саднило плечо, левое — саксонец наскочил сбоку и ударил, но Проб в этот момент прыгнул вперед, лезвие соскользнуло по ментуку, а синего всадника срубил подоспевший Чернявский.

— Да, неплохо, не больше сотни ушло. Но готовьтесь, штабс-ротмистр. Думаю, что на этом не кончилось.

Но про себя Валериан подумал, что, пожалуй, другого дела сегодня им не подвернется. Чересчур легко принял свое поражение неприятель. Мог попробовать оторваться от преследования, перестроиться и контратаковать, но предпочел уйти, не делая лишних усилий. Турецкая конница так просто не уступила. Может

быть, уж очень неожидан и силен был удар, а может быть, излишне раздута слава Великой армии.

Они простояли до вечера, но больше их не атаковали. Видимо, судьба двух изрубленных эскадронов изрядно смутила саксонского генерала. Посылать небольшой отряд, чтобы отогнать русский заслон, он не осмелился, а выводить из города всю дивизию казалось ему шагом вовсе неверным. На них тут же навалились бы кавалеристы Ламберта и Чаплица да подоспевшие гренадеры Каменского-старшего.

Кленгель втянул все свои силы в город, отбил два штурма, но, обмыслив ситуацию, благоразумно решил не ожидать третьего. В семь часов пополудни над монастырем, стоявшим у западного предместья, поднялось белое полотнище.

Ланского Валериан нашел у ограды монастыря. Генерал уже сидел на лавочке, посасывая короткую трубку, и выглядел раздосадованным.

— Что за война! Я и махнуть-то едва успел. Надо было мне с тобой, Мадатов, идти. Вы-то рубились.

Валериан улыбнулся.

— Было дело, Николай Сергеевич, но — только утром. А потом так же стояли, сушились.

— Да, ветер нам, в общем, помог. Ночью врага глушил, с утра тучи поразогнал. Весь день жарило, думаю, и дальше так же будет. Сложновато нам придется на марше.

Он вдруг вскочил и нахлобучил кивер, стоявший рядом на камне. Валериан оглянулся. По пыльной улочке к ним подъезжала группа конных — генерал Тормасов с конвоем и свитой.

— Ваше высокопревосходительство! — Ланской сделал два шага вперед и тщательно утвердил себя на земле.— Имею честь поздравить вас с победой над сильным и искусным врагом!

Командующий молча наклонил голову.

— Позвольте представить вам подполковника князя Мадатова. Командуя отдельным отрядом, он перерезал северную дорогу и отразил все попытки неприятеля опрокинуть заслон. Командир первого батальона Александрийского гусарского — один из лучших кавалерийских офицеров армии.

— Я запомню, генерал. Спасибо вам, князь. Ваши действия сегодня изрядно способствовали успеху всего нашего дела.

Валериан вытянулся, сдвинул каблуки, прозвенев шпорами. Когда Тормасов проехал мимо, Ланской вернулся на лавочку. Поманил стоявшего в отдалении гусара. Тот подскочил и достал из ташки манерку и медный стаканчик.

— Присаживайся, Мадатов. Много людей потерял?

— Один убит, трое ранено. Это у наших. И у казаков четверо.

— А у саксонцев?

— Думаю, не менее сотни убитых с ранеными, да еще пленные. Двух эскадронов как не бывало.

Ланской выпил и крякнул. Денщик вынул из ладони командира стаканчик, наполнил и протянул Валериану.

— Выпей, Мадатов, за очередной свой успех. Но только особенно не гордись. Кто перед нами был? Солдаты короля Фридриха Августа. Хорошо дерутся,

не спору. Особенно пехотинцы. Но командиры у них ниже среднего. Чуть лучше австрийцев. Подожди, пока мы до *самого* доберемся. Тогда, может быть, и пойдем, кто чего стоит. Ну, пей, подполковник!

Валериан подождал, пока стекут в рот последние капли, опустил стаканчик и выдохнул. За два года службы в Александрийском он не только привык к водке, но и начал находить вкус в обжигающем горло напитке.

— Все равно, победа, Николай Сергеевич. Победа!

— Навалились армией на дивизию, конечно же раздавили. Ну да, ловко окружили, быстро подошли, не дали за стенами отсидеться. Домишек, правда, сожгли без счета — как местные зимовать соберутся?

— До зимы еще дожить надо, — осторожно заметил Валериан.

— Это ты прав. На чью сторону дед Мороз станет, нам пока и неведомо. Знать бы, Мадатов, что там, на Смоленской дороге творится. Где Багратион, где Барклай? Почему не вместе, почему врозь держатся? А где же там Яша Кульнев? Я слышал — их корпус к северу отошел, за Полоцк. Чего ждут, почему пропускают Наполеона? Тормасов приказал — я туда Новицкого с взводом отправил. Должен пробраться, отвезти письмо и с обратной депешей вернуться. Хоть бы одно слово оттуда, хоть бы глазом одним заглянуть — что же творится?..

II

Ротмистр Новицкий выскочил на пригорок, бросил саблю в ножны и огляделся.